

- Юрий Юрьевич, вы вернулись в прокуратуру пять лет спустя. Что изменилось за этот период?

- Пять лет - это, если хотите, эпоха. Тем более в наше быстро меняющееся время. Между прочим, в прежней редакции Закона о прокуратуре первые лица ведомств назначались на пять лет, затем кандидатура прокурора вновь рассматривалась - и утверждалась или не утверждалась. Сейчас этот параграф изменился, но в памяти остался, и, наверное, не случайно.

Внешне все осталось как было, но перемены оказались даже больше, чем я ожидал. Они касаются в основном людей. Очень много новых сотрудников. И, как мне кажется, это люди по своему складу иные, чем раньше. С комплектованием кадров стало лучше, повысилась зарплата, да и государственная служба стала более престижной.

Ведь на рубеже восьмидесятых - девяностых годов с государственной службы все дружно бежали. Многие решили, что свобода дает невообразимые возможности, и вот-вот прольется золотой дождь. А потом оказалось, что самостоятельно в коммерции реализовать себя непросто. Часть людей потянулась назад. Это, безусловно, проигравшие. Другая группа вернувшихся - те, кто понял, что они государственники, чиновники, а не коммерсанты. Есть и третья группа. Для них приход в прокуратуру - своего рода первая ступень, трамплин для дальнейшего продвижения.

Я очень четко различаю все три группы. Это люди с разной социальной ценностью. Первые - середняки. Они, конечно, работать будут, но ждать от них озарений не приходится. Вторая часть - наиболее ценный актив, на который можно опираться. Третья группа - самая опасная. Во-первых, это люди, которые получают опыт, чтобы использовать его вовсе не здесь. Во-вторых, имея в руках государственные правовые рычаги, они обрастают связями, кредитом доверия, заводят полезные знакомства - но опять-таки для того, чтобы все это положить в копилку на будущее и использовать в своих личных целях, а не в интересах государства.

- Примерно такие же процессы идут в большинстве государственных структур, в особенности в силовых ведомствах...

- Конечно. Но мне показалось, что здесь эти тенденции особенно заметны. И еще одна характерная черта: стало меньше самостоятельных людей. Например, приглашаю сотрудников, прошу рассказать о том, что происходит в каком-то направлении, что получается, что - нет... А в ответ слышу безликое перечисление цифр. Та же ситуация, когда я пытаюсь расшевелить людей: говорю спорные вещи - реагируют единицы, которых можно по пальцам пересчитать. Остальные отмалчиваются или отдают формальными фразами. Вот что я увидел и что меня огорчает.

- Вы проводите кадровые перестановки?

- В восьми столичных округах этот процесс практически завершен. Мы поменяли всех прокуроров, кроме Зеленоградского и Северо-Восточного округов.

После своего назначения я собрал окружных прокуроров - большинство из них работало на одном месте по десять-одиннадцать лет - и предложил: давайте проведем ротацию. Ведь люди, хотя бы они того или нет, за такой срок обрастают связями, вступают на какие-то отношения, дают обязательства... Чего проще: ты профессионал - уйди в другой округ и начни с чистого листа. Никто претензий не предъявит, никаких вопросов не задаст. Но что произошло? Начались звонки, беседы, разговоры. Подключались префекты, депутаты, администрация...

- Вы будете работать с новой командой?

- Новая команда еще окончательно не сформировалась. Точнее сказать: перемены начались. По-другому начали ощущать себя многие сотрудники аппарата городской прокуратуры. И в этом я вижу позитив. Но на уровне межрайонных прокуроров вопросы остаются.

Нужны не безликие отчеты и цифры, а собственный стиль. Конечно, задачи на местах должны сопрягаться с общегородскими, федеральными, соответствовать требованиям закона, всякого рода приказам и нормативным документам, регламентирующим деятельность прокуратуры по дням и даже по часам. Однако при этом необходимо найти свои конкретные задачи на местах, собственные формы работы, свое лицо. Пока ничего нового я не вижу...

- Раньше было по-другому?

- Не могу сказать, что все было безукоризненно, но к этому стремились, так виделась наша работа. Пусть не все получалось, жизнь не складывалась в идеальные трафареты, но сейчас и этого нет.

- Юрий Юрьевич, сегодня работа проку-

рора, следователя похожа на прогулку по минному полю. Шаг влево, шаг вправо и...

- Если так рассуждать, то мы будем стоять на месте и никуда не дойдем. Бойтесь риска - отправляйтесь на экзамен в квалификационную комиссию адвокатской палаты и занимайтесь адвокатской деятельностью, идите в нотариусы, юридические фирмы...

- Дело прошлое, и все же: чем был вызван ваш уход из прокуратуры? Вы свою работу любите и, как я понимаю, оставили ее не добровольно?

Юрий СЕМИН:

ПОВЫШЕНИЕМ ЗАРПЛАТЫ С КОРРУПЦИЕЙ НЕ СПРАВИТЬСЯ

Юрий Юрьевич СЕМИН родился в 1950 году в Москве. С отличием окончил Московскую государственную юридическую академию (в то время - Всесоюзный заочный юридический институт). В органах прокуратуры с 1976 года: работал прокурором отдела по надзору за следствием и дознанием в органах внутренних дел, прокурором Перовского района столицы. С 1995 по 2001 год занимал должность заместителя прокурора города Москвы. После ухода из прокуратуры в 2001 году работал в Минюсте РФ заместителем начальника управления по Москве, а затем заместителем руководителя Главного управления Федеральной регистрационной службы по Москве. В июле 2006 года назначен прокурором города Москвы. Награжден знаком «Почетный работник прокуратуры».

- В том-то и дело, что добровольно. Я написал заявление об уходе на пенсию без всякого принуждения. Потому что не мог работать в условиях, когда ощущал к себе недоверие. Перестали реализовываться коллективные формы руководства, не проводились совещания, коллеги, людей перестали слушать. Мне никто не говорил: уходи, но оставайся, когда к тебе так относятся, я не мог.

- Что можно сказать об обстановке в Москве? Не начинается ли новая волна криминальных разборок - такая же, как в середине 90-х годов?

- Нельзя проводить аналогий с тем периодом. Время было чудовищное. Сейчас ситуация уже другая. А разборы будут всегда, они не закончатся. Вот мы часто живем на Западе... И на Западе они есть, везде это явление, хоть и в иных формах, присутствуют.

То, что было в девяностых, уже не вернется. Все постепенно будет налаживаться, цивилизовываться, но преступность все равно останется. И никогда она не снизится. Мы никогда не будем жить так, как живут в Швейцарии. Потому что живем в России. Страна другая, территория, народ... И все у нас будет по-нашему, по-русски. И в Москве будет не так, как в Рязани. Никогда не будет одинаково.

Ставить цель изжить преступность - нереально. Даже в два раза ее сократить - утопия. На мой взгляд, ситуация начнет меняться, если мы будем правильно, по закону и справедливо реагировать на все случаи преступных действий. Это обязательно окажет влияние. Постепенно, не сразу, но обязательно появятся результаты. Изменится климат в обществе, люди начнут чувствовать, что справедливость существует, что на их беды откликнутся не избирательно, не по звонку, не за вознаграждением... И преступность понемногу пойдет на убыль. Хотя процесс этот очень длительный.

- Жаль только, жить в эту пору прекрасную...

- А почему нет? Жизнь меняется непредсказуемо. Сейчас я без этой вещи (прокурор Москвы указывает на лежащий перед ним мобильный телефон) чувствую себя как без рук. А двадцать лет назад? Жили по-другому... И теперь представьте,

что завтра вместо нефти, например, появится другой энергоресурс. Разве жизнь не изменится?

Но вернемся к криминальной обстановке. Она сложная, преступность большая, количество преступлений - самое высокое за все периоды, но... Так не будет вечно, и все может измениться при определенных обстоятельствах.

- Существует понятие «критическая масса». Вам не кажется, что уровень преступности в обществе уже достиг этого показателя?

- Возможно, я вас разочарую. Он приближается к критической массе. И когда уровень достигнет своего предела, рост преступности, я полагаю, почти остановит-

того, что расследованием занимаются профессионалы или кто-то «нажимает», создает особые условия... Случаются резонансные преступления, как, например, покушение на заместителя председателя Центробанка Козлова. Бывает, что дополнительное внимание уделяют из-за особенностей самого преступления. Помните недавнее убийство малолетнего ребенка? В таких ситуациях на раскрытие бросают абсолютно все силы, задействуют множество дополнительных резервов.

Но даже если бы все были профессионалами высокого класса и их хватало бы на каждое дело - и в этом случае оставались бы нераскрытые преступления. По-другому быть не может. Даже в прошлом, когда

комфортные условия. Это штучная работа для профессионалов самой высокой квалификации.

- Как-то в разговоре с довольно крупным чиновником я задал вопрос: сколько должен получать сотрудник, чтобы иметь «иммунитет» от взятки? Мой собеседник назвал цифру - тысяча долларов. Да и то, по его мнению, сразу все честными не станут, это лишь будет первым шагом к очищению рядов...

- Я напрямую зарплату и взятки никак не могу связать. Это одна из выдумок, химера. Дескать, дайте ему лишних сто рублей - и он начнет работать лучше. Нет, не начнет, он потребует еще и еще. И остановиться не сможет. Зарплатой с коррупцией не справиться. Продажность - это отрицательное свойство характера, как и другие человеческие пороки: грубость, жадность, завистливость и т.п. Сребролюбие - такой же порок, как и другие. Поэтому необходимо воспитывать честность, создавать предупредительные преграды: законодательные, технические, моральные... Трудно, конечно, но иного пути нет.

Если верить общественному мнению, коррупция стала повсеместной. Позвольте, а что такое общественное мнение, кто его может подтвердить или опровергнуть? Не лучше ли доверять своим собственным ощущениям и разуму? Я лично убежден, что утверждения о поголовном взяточничестве, продажности в конце концов отрицательно влияют и на честных людей. Если человеку никто не верит, что он не берет взятки, зачем же ему делать из себя белую ворону? Такое общественное мнение и является условием, стимулирующим коррупцию и формирующим продажность. Поэтому я бы с большой осторожностью обличал, раздавал ярлыки и обвинения.

- Вы работали в комиссии по помилованию. И как юрист-практик имеете колоссальный опыт. Каков, по-вашему, уровень правосознания граждан?

- К сожалению, дремучий. И даже не только на кухонном, а и на государственном уровне. У многих прокуроров он не выдерживает никакой критики. В том числе с точки зрения образованности. Я уже устал поправлять прокуроров и следователей, когда они произносят «приговор» или «ходатайство».

- Ну, это не самое страшное...

- Это как раз очень важный элемент правосознания. Для прокурора, который должен иметь высшее юридическое образование, полученное в специальном учебном заведении, это недопустимо. Понимаю, что от этого никто не умрет, но зато все вместе это составляет картину ущербности. Прокуроров учили для того, чтобы они выходили к людям с миссией проповедников закона. А уж если сами «проповедники» вызывают недоверие, ироничные улыбки...

Помните, в «Живом труп» у Толстого: «Ах, господин следователь, как вам не стыдно?! Рады, что имеете власть, и чтобы показать ее, мучаете не физически, а нравственно людей, которые в тысячу раз лучше вас». Мы очень часто забываем, что государственные полномочия не только дают нам большие права, но и налагают на нас не менее серьезные обязанности.

- Вам приходилось сталкиваться с давлением на ваших следователей? А у вас телефон позванивает?

- Позванивает, еще как позванивает! Есть люди, которых сразу не оборвешь. Есть, конечно, формы наработанные, что-то приходится говорить: да, да, разберемся... Потом надо что-то имитировать, иногда предпринимать. Но ведь есть люди, которые вообще без тормозов. Как-то позвонил техник ФАПСи, который просто имеет по работе доступ к АТС-2. И заявил, что хочет получить от меня какую-то информацию. Ну, что ему сказать: поди водой облейся?

- Остается ли время для любимых занятий, чем вы увлекаетесь?

- Откровенно говоря, свободного времени практически нет. Я «жаворонок», встаю очень рано и в восемь часов уже на работе. Есть немного времени - успеваю познакомиться со свежими газетами, посмотреть выпуски новостей, посетить интернет. Это тоже для дела, нужно быть в курсе событий.

Книг читаю немного. Может быть, потому что в юности и позже, в более зрелом возрасте, перечитал все основную классику, новинки в толстых журналах. А современную прозу не очень жалую. Новомодные книги, по-моему, такая отравка... А уж в смысле языка - слов нет. Стараюсь следить за новинками кино. В выходной день смотрю фильм-другой на DVD - из тех, что получили призы или отмечены критикой. Но главное для меня - любимое дело, работа. И о коротком досуге я не жалею.

Беседу вел Николай МОДЕСТОВ

ФОТО АНДРЕЯ НИКИТИЧЕВА

ся. Дальше она расти не сможет. Это как в спорте: нельзя бесконечно улучшать результаты в беге. Какие бы стимуляторы спортсмены ни употребляли, какими бы анаболиками ни пользовались, нельзя бежать быстрее паровоза.

- Если следовать этой логике, то не изменится ли само общество? Не начнет ли оно, как это уже порой происходит, «либерализовываться» законы? Вы понимаете, о чем я говорю: наступает предел «криминального насыщения», одновременно снижается порог чувствительности общества. То, что вчера было криминалом, завтра неожиданно может оказаться легитимным деянием.

- Во все времена существовали незбылемые понятия. Можно называть их законами, можно как-то по-иному... Например, никогда нельзя было отнимать у человека жизнь. Всегда карали за убийство. Даже за убийство раба. Нельзя убивать человека... Даже око за око, кровная месть - не что иное, как средство борьбы за право на жизнь. И ни в каком обществе эти понятия пересматривать не будут. Нельзя отнимать имущество, унижать достоинство, наносить вред здоровью и т.д.

- Хватает ли сил для расследования убийств, справляются ли с валом все звенья, отвечающие за работу по этой линии? Порой случается так, что по одним делам работают - землю роют, а по другим - волюкитя и списывают в архив...

- С точки зрения выполнения формальных требований закона задача решается. На все случаи убийств мы выезжаем, осмотры проводим, уголовные дела возбуждаем. Отдельные случаи, когда что-то упущено, скрыли, неправильно провели первоначальные следственные и розыскные действия, бывают. Но это исключения из правил. Другое дело, что существует проблема квалификации и мастерства.

По отдельным делам отдают все - в силу

преступлений регистрировалось на порядок меньше, все равно оставались так называемые висяки. Это так же, как нельзя собрать весь урожай...

Я отдаю себе отчет, что результаты должны быть лучше и могут быть лучше. Даже при всех существующих нюансах. Эта проблема наиболее заметная и будоражающая общество. Но тут предстоит большая работа.

- Недавно были названы исполнители и организаторы громкого заказного убийства Отари Квантришвили. До этого были раскрыты убийства одного из руководителей Рособоронэкспорта, суперкиллера Солоника, названы организаторы и исполнители убийства губернатора Магаданской области, другие громкие преступления. Значит ли это, что мы со временем узнаем имена убийц банкира Лихачева, тележурналиста Листьева, бизнесмена Пола Тейтума, журналистки Анны Политковской и других?

- Заранее подготовленные, осмысленные убийства способны совершать далеко не все исполнители. То, что им на первой стадии удается уходить от ответственности, это вполне естественно. Они профессиональные преступники. Но в этом и их слабость. Мы имеем дело с одним и тем же кругом лиц. Поэтому идет такое долгое, иногда многолетнее расследование. Оно показывает, что даже при самой тщательной подготовке, конспирации, умении остаются маленькие «пятнышки». По этим «пятнышкам» в конце концов мы обязательно выходим на преступников.

Главное условие раскрытия таких дел - поручать их квалифицированным специалистам, которых не надо подгонять, подталкивать, контролировать каждый шаг. А если требовать немедленного результата и постоянно менять следователей в надежде на быстрый успех - толку не будет. Нужно верить человеку, помогать ему, создавать